

Финансовые аспекты импортозамещения и формирование новых региональных кластеров

Вагин Сергей Геннадьевич

Д-р экон. наук, проф. базовой кафедры инфраструктуры финансовых рынков
ORCID: 0000-0003-4328-8713, e-mail: sg_vagin@guu.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Мясницкая ул., 20, г. Москва, Россия

Аннотация

Промышленная кооперация является ответом на современные вызовы отечественной экономики. Недостаточная конкурентоспособность в глобальной экономике, низкие показатели эффективности, санкционные действия, ограниченность ресурсов, импортозамещение — все эти факторы актуализируют поиск решений по снижению рисков для успешного и технологичного развития отечественной экономики. Одним из наиболее действенных инструментов в решении этих задач признано формирование промышленных интеграционных структур — промышленных кластеров или промышленных технопарков для бизнеса меньших масштабов и на начальных стадиях формирования. Содействие различным формам промышленной кооперации приобрело особое значение в начале 2023 г. после очередного Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. Это послужило триггером для повышения активности и расширения мер государственной поддержки в направлении формирования новых и поддержки деятельности существующих промышленных кооперативных объединений. С 2023 г. наблюдается быстрый рост количества новых технопарков и кластеров. Однако наряду с позитивной статистикой увеличения количества не наблюдается параллельного роста качественных показателей: уровень организационного взаимодействия участников кластеров и их деятельность в контексте импортозамещения продолжают находиться на низкой ступени развития, наблюдается структурный перекос в сторону финансирования технопарков, а также структурный перекос формата участия предприятий малого и среднего предпринимательства преимущественно в составе технопарков, а не кластеров. Это не соответствует задачам собственно промышленной кооперации, которая направлена на использование эффекта масштаба при интеграции малых участников, что обуславливает необходимость не только коррекции объемов и критериев государственной поддержки для формальных участников кооперационных объединений, но и формирования ее в зависимости от степени развития самих кластерных структур. Наступил момент, когда необходимо переходить от количественных показателей к качественным. В противном случае экономика может столкнуться с ситуацией, когда видимое количество кластеров будет значительным, что повысит соответствующую нагрузку на бюджет. При этом ожидаемые эффекты от промышленной интеграции, в том числе в контексте инновационного прогресса и импортозамещения, достигнуты не будут.

Ключевые слова: государственная политика, импортозамещение, индустриальные парки, кластеры, промышленная кооперация, развитие, регионы, факторы, финансовый аспект, эффективность

Для цитирования: Вагин С.Г. Финансовые аспекты импортозамещения и формирование новых региональных кластеров// Управление. 2025. Т. 13. № 4. С. 51–61. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-51-61

Financial aspects of import substitution and new regional clusters formation

Sergey G. Vagin

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Financial Markets Infrastructure Basic Department

ORCID: 0000-0003-4328-8713, e-mail: sg_vagin@guu.ru

National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya ulitsa, Moscow 101000, Russia

Abstract

Industrial cooperation is a response to the modern challenges of the domestic economy. Insufficient competitiveness in the global economy, low performance indicators, sanctions, limited resources, and import substitution – all these factors actualize the search for solutions to reduce risks for successful and technological development of the domestic economy. One of the most effective tools in solving these issues is forming industrial integration structures such as industrial clusters or industrial technology parks for smaller businesses and at the initial stages. The promotion of various forms of industrial cooperation became particularly important in early 2023 after the Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation. This served as a trigger for increasing the activity and expansion of government support measures towards forming new and support for the existing industrial cooperative associations' activities. Since 2023, there has been a rapid increase in the number of new technology parks and clusters. However, along with the positive statistics of the increase in quantity, there is no parallel growth in quality indicators: the level of organizational interaction among cluster participants and their activities in the context of import substitution continue to be at a low stage of development, there is a structural bias towards financing technology parks, as well as a structural bias in the format of SME participation mainly in technology parks rather than clusters. This does not correspond to the tasks of industrial cooperation proper, which is aimed at using economies of scale in small participants integration, which necessitates not only the correction of the volume and criteria of state support for formal participants in cooperative associations, but also its formation depending on the degree of development of the cluster structures themselves. The moment has come when it is necessary to move from quantitative indicators to qualitative ones. Otherwise, the economy may face a situation where the apparent number of clusters will be significant, which will increase the corresponding burden on the budget. At the same time, the expected effects of industrial integration in the context of innovation progress and import substitution will not be achieved.

Keywords: public policy, import substitution, industrial parks, clusters, industrial cooperation, development, regions, factors, financial aspect, efficiency

For citation: Vagin S.G. (2025). Financial aspects of import substitution and new regional clusters formation. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (4), pp. 51–61. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-51-61

Введение / Introduction

Импортозамещение в современной политико-экономической ситуации является одним из важнейших направлений государственной политики. Актуальность этого направления особенно обострилась в 2014–2015 гг. и в 2022 г., когда осложнение трансграничного обмена товарами и технологиями ставило отечественную экономику перед новыми вызовами, открывая в то же время окно возможностей для снижения и ликвидации в отдельных направлениях зависимости от импортных поставок.

Неотъемлемым элементом процессов импортозамещения является инновационный процесс как обязательный этап формирования нового товарного потока взамен конкурентного импортного [Вагин, 2024]. Процесс импортозамещения – это не только механическое наращивание собственного выпуска той или иной продукции, но и собственные разработки новых для отечественной экономики товаров, соответствующая научно-исследовательская деятельность, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР), новые технологии и процессы. Именно дефицит аналогов отечественного производства зачастую ограничивает возможности импортозамещения, особенно в высокотехнологичных направлениях [Мелехин, 2023].

Однако неопределенность политической обстановки, осложнение социально-экономической ситуации, финансовая нестабильность в плане кредитного обеспечения – все эти факторы не могут способствовать формированию всей цепочки импортозамещения в производственном поле. Возможности параллельного, или «серого», импорта также сужают окно возможностей для формирования полноценных процессов замещения импорта в стране. Это приводит к необходимости государственной финансовой и иной поддержки для новых и существующих инновационных начинаний и текущих процессов, ориентированных на импортозамещение в промышленном секторе.

Одним из актуальных направлений, которые способствуют росту инновационности экономики, повышению эффективности деятельности и взаимодействия промышленных предприятий как в плане производственной деятельности, так и в инновационном и научно-исследовательском отношении, являются различные формы промышленной кооперации [Харланов, 2020]. В российском правовом поле это соответствует промышленным кластерам и индустриальным паркам. Считается, что благодаря эффекту масштабирования и общности использования части ресурсов формирование таких интеграционных объединений способствует более рациональному использованию внутренних ресурсов и, следовательно, эффективности государственной поддержки, в том числе в политике импортозамещения.

Такое мнение логично, поскольку в экономике одним из ключевых конкурентных преимуществ выступает эффект масштаба. Именно он при прочих равных факторах является важнейшим показателем эффективности, что особенно актуально для промышленных производств. В современной рыночной конъюнктуре естественные процессы укрупнения производств, в том числе с целью максимизации прибыли, выражаются в создании вертикально-интегрированных холдинговых структур в большинстве экономических направлений. В российской действительности это касается отраслей сырьевых, промышленных для экспортоориентированных направлений, агропромышленного комплекса. Исторически эти процессы иллюстрировались синдицированием, монополизацией и прочими моментными особенностями укрупнения и масштабирования производственных сил в наиболее конкурентоспособных направлениях.

Ключевым моментом является естественность процессов концентрации производительных сил именно в «конкурентоспособных» направлениях, поскольку остальные по очевидным причинам не привлекают внимания институциональных инвесторов вне исторического контекста их наименования. Здесь не работают естественные процессы укрупнения в направлении максимальной эффективности и монополизации. Причины могут быть разными: давление импорта, региональные климатические особенности, инфраструктурное отставание. Конечный результат один: в одних направлениях процессы масштабирования протекают без участия государства, в других это невозможно.

С точки зрения государственного управления важны такие аспекты, как диверсификация экономики, независимость экономической политики, продовольственная безопасность, то есть аспекты, в целом относящиеся к категории технологического и товарного суверенитета. Соответственно, является уже задачей государственного управления определять, необходимо ли государственное вмешательство в отдельные отрасли, не демонстрирующие необходимого уровня эффективности.

В ходе институциональных преобразований 1990-х гг. в стране сложилась смешанная государственно-частная экономика со значительным присутствием государственного сектора в ряде отраслей. Однако это не делает государственные направления экономики автоматически конкурентоспособными и не подразумевает абсолютного присутствия государства в критически секторах. Ограниченность ресурсов не позволяет распространить государственное влияние повсеместно на все приоритетные сферы деятельности. Возможны лишь сравнительно ограниченная поддержка и благоприятствование в целевых направлениях.

Санкции 2014 г. и 2022 г. последовательно обостряли проблематику повышения эффективности национальной экономики, особенно в критически

важных отраслях промышленности. Это привело к формированию кластерной политики страны еще в 2014 г. с принятием Федерального закона № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», где впервые было дано правовое обоснование такому образованию, как промышленный кластер, и обрисованы основные задачи кластерного развития экономики и рамки поддержки участников таких объединений¹. Дальнейшее развитие интеграционных объединений такого уровня осуществлялось в соответствии с глобальной политико-экономической конъюнктурой. Так, 2022 г. существенно ускорил процессы промышленной кооперации в стране.

Среди основных тезисов Послания Президента Российской Федерации (далее – РФ, Россия) от 21 февраля 2023 г. указывается, что задачи достижения технологического суверенитета и расширения технологических возможностей экономики базируются на использовании такого инструмента, как промышленные кластеры². Снижается административная и налоговая нагрузка на участников кластеров, а спрос на инновационную продукцию обеспечивается долгосрочным государственным заказом и субсидированием. Таким образом, определен курс «сверху» на ускорение формирования кластерных структур в отечественной экономике. Тематика формирования региональных кластеров как одного из направлений импортозамещения и инновационного развития отечественной экономики является актуальной исследовательской задачей.

Обзор литературы / Literature review

Е.Г. Анимича обращает внимание на то, что импортозамещение – термин неоднозначный, несмотря на кажущуюся понятность и невозможность двойственности трактовки [Анимича, 2015]. Фактически автор выделяет до пяти различных научных подходов к этому явлению, начиная с меркантилизма Т. Мана и У. Петти и заканчивая современным устоявшимся мнением, которое заключается в сокращении товарного ввоза из-за границы с эквивалентным замещением этого объема аналогичным конкурентоспособным отечественным производством [Aspromourgos, 1988]. Это наиболее емкое определение, отражающее суть процессов импортозамещения в максимальном количестве смыслов. Отталкиваясь от него, мы можем предположить ориентировочные объемы рынка для потенциального роста внутреннего производства.

¹ Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения: 06.10.2025).

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 февраля 2023 г. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70565> (дата обращения: 06.10.2025).

В этом ключе А.Ю. Апокин предложил оригинальную, но достаточно сложную модель оценки потенциального импортозамещения в различных отраслевых направлениях [Апокин, 2017]. Не вдаваясь в особенности расчетного метода, мы укажем лишь итоговые расчетные показатели потенциала импортозамещения на 2013 г. В порядке убывания они составили: до 37 млрд долл. США на туристические поездки, по 18 млрд долл. США – в автомобилестроении и машиностроении (кроме автомобильного), 5,5 млрд долл. США – в фармацевтическом производстве, около 1,6 млрд долл. США – в растениеводстве. Как можно заметить из этой оценки, потенциал импортозамещения в машиностроении несравненно выше такового для агропромышленного комплекса (далее – АПК). При этом, если в АПК он к 2025 г. реализован достаточно удачно и в целом можно сказать, что его потенциал уже исчерпан (кроме технологической стороны вопроса, то в машиностроении, туристической сфере или фармацевтике он сравнительно не освоен и в значительной степени доступен для углубления процессов замещения импорта [Косов, 2023; Косарев, 2025].

Легко заметить, что наименее освоенными являются в основном высокотехнологичные и инновационные направления в противовес сельскохозяйственным и сырьевым, что согласуется с мнением Н.В. Кривенко, которая считает, что импортозамещение и инновационный прогресс – понятия неразделимые [Кривенко, 2020]. Она рассчитала, что на 1 руб. инновационных затрат производится в 7–10 раз больше продукции, чем вне инновационного прогресса. Это свидетельствует о том, что процессы импортозамещения, сопряженные с инновационным ростом, являются важным фактором не только импортозамещения, но и роста промышленного производства, параллельно увеличивая его эффективность.

Другими словами, сложности импортозамещения в критических отраслях (в текущем примере: в машиностроении и фармацевтике) являются продолжением недостаточной активности в инновациях, которые, в свою очередь, обусловлены преимущественно финансовыми проблемами текущего момента (высокая стоимость кредитных ресурсов). Соответственно, это требует целевых точечных решений и поддержки для наиболее критически важных направлений.

Однако в мировой практике есть и примеры чрезмерного увлечения протекционизмом и выборочной поддержкой целевых направлений, когда они теряют конкурентоспособность в «тепличных» условиях хозяйствования. Ю. Симачев отмечает, что такие явления характерны для некоторых развивающихся стран Латинской Америки, Африки и Азии, когда их экономика, демонстрируя в какой-то период существенный рост, впоследствии теряет конкурентоспособность в глобальном экономическом поле [Симачев, 2016].

Также можно отметить пример отечественной экономики, когда ликвидация государственного регулирования и переход к рынку обнажили проблемы неэффективности ряда отраслей в 1990-е гг., что привело к существенному падению производства и снижению позиций страны в глобальном масштабе [Цыпин, 2014].

Противовесом Ю. Симачев называет пример азиатских стран, где импортозамещение является вторичным следствием политики стимулирования экспорта и высокотехнологичных промышленных производств [Симачев, 2016]. Такой подход ориентирован не столько на собственно замещение импорта, сколько на встраивание экономики в мировую систему разделения труда в наиболее инновационных направлениях [Zhu, 2006]. Л.Г. Матвеева отмечает «рациональное» и «конкурентное» импортозамещение в тех направлениях, где достаточно силен конкурентный потенциал отраслей [Матвеева, 2016]. Этому в значительной степени способствовала активизация кластерной политики в начале 2000-х гг. в азиатских государствах, особенно в Китае, Таиланде и Южной Корее, где основой этой политики стала промышленная кооперация малых и средних предприятий [Кучумов, 2025].

Одним из важнейших инструментов усиления конкурентных преимуществ в целевых направлениях оказались различные формы промышленной кооперации, которые обобщенно в мировой практике получили наименование кластеров. Как показывает в своей работе Г.А. Яшева, еще в 2000 г. кластерные программы стали обязательным элементом промышленного развития в странах Европейского союза (далее – Евросоюз, ЕС) в рамках Программы развития региональных инновационных систем, основной целью которой (как и ряда последующих программ) является повышение конкурентоспособности экономик стран, входящих в Союз [Яшева, 2022]. Кластерная политика является инструментом в достижении целей роста экспорта товаров и услуг и повышения доли инвестиций в НИОКР до 3 % от валового внутреннего продукта (Европейского союза в целом)³. Предполагается повторить опыт некоторых стран Азии в развитии именно высококонкурентных технологичных отраслей с ориентацией в основном на внешние рынки.

Г.А. Яшева особо отмечает, что основной упор в создании кластеров в ЕС делается на объединение малого и среднего бизнеса [Яшева, 2022]. В российской практике предприятия малого и среднего предпринимательства (далее – МСП), как правило, участвуют в промышленной кооперации на базе промышленных технопарков. Промышленный кластер обыкновенно включает более крупных представителей

бизнеса (либо объединение идет вокруг некоторого «якорного» предприятия). Если в начале своего существования европейские кластеры преимущественно объединяли предприятия по производству товаров потребительского сектора, то затем промышленная кооперация стала распространяться и на более высокотехнологичные и инновационные направления.

Годовой бюджет кластерных программ стран ЕС, по данным Г.А. Яшевой, превышает 80 млрд евро (для функционирования около 1 тыс. кластеров) [Яшева, 2022]. Эта цифра включает от 50 до 90 % государственного участия в программах софинансирования практически всех ключевых затрат участников кластеров, то есть финансовое участие бюджетов различных уровней – обязательный элемент создания и поддержки кластерных инициатив в международной практике.

Т.В. Фадеева рассматривает опыт англо-саксонской модели кластеризации (Великобритании, Соединенных Штатов Америки (далее – США), Канады, Австралии), где кластер считается чисто рыночным образованием вне контекста государственной политики их формирования [Фадеева, 2021]. Поддержка заключается в выделении грантов, средств по конкретным государственным программам, особое внимание акцентируется на развитие малого предпринимательства в рамках кластеров. В качестве примера также приводится Индия со значительным опытом кооперации в сфере малого бизнеса: в стране около 2 тыс. кластеров, из которых 1,6 тыс. – кооперации небольших ремесленных предприятий.

Е.М. Еловая отмечает, что в США в кластерах участвует более 50 % всех существующих предприятий, в ЕС трудоустроено 38 % рабочей силы [Еловая, 2020].

Кластерная политика является современным в международной практике инструментом повышения конкурентоспособности национальной экономики, методом ускорения инновационного прогресса, развития наиболее высокотехнологичных отраслей, импортозамещения и экспорта.

Методы и методология исследования / Study methods and methodology

Ограниченность финансовых ресурсов государства для целевой поддержки процессов импортозамещения вынуждает дифференцировать подход к субсидированию основных инструментов поддержки промышленности, в том числе кластерной политики. В связи с этим основным методом исследования является системный анализ, который позволяет объективно оценить связность процессов импортозамещения и кластеризации, их взаимного влияния и эффекта для экономики. Его применение позволило оценить слабые стороны кластерной политики в контексте современного вектора промышленного развития

³ UNESCO science report: towards 2030. Режим доступа: https://www.unesco.org/sites/default/files/usr15_european_union_ru.pdf (дата обращения: 06.10.2025).

и их влияние на процессы импортозамещения в целевых направлениях. Методы анализа, синтеза и сравнения позволяют оценить отдельные особенности развития кластерной политике как в некоторой ретроспективе, так и на текущем этапе.

Основным источником данных исследования является Государственная информационная система промышленности (далее – ГИСП), созданная для мониторинга текущих и перспективных промышленных кластеров, и индустриальных парков⁴.

Результаты исследования / Study results

Импортозамещение вне контекста используемых инструментов – это всегда, хотя и в разной степени, затратное мероприятие для бюджетов всех уровней. В качестве иллюстрации можно привести динамику вложений в отечественный АПК за последние годы на фоне изменения доли импорта в товарных ресурсах отдельных продовольственных товаров (таблица).

Как видно из таблицы, поддержка сельхозпроизводителей составляет весомую для бюджета и достаточно стабильную во времени величину, при этом рост доли продукции отечественных производителей растет достаточно медленными, но уверенными темпами. Это объясняется тем, что для производителей импортозамещающие программы представляют собой значительные по объему инвестиции с неопределенным

горизонтом планирования и сроками окупаемости. Государственная политика в таких направлениях должна быть долгосрочной и стабильной в целях повышения доверия инвесторов. Это не точечный во времени, а постоянный процесс инвестиций в обновление, инновации, техническое перевооружение, поэтому нельзя рассчитывать на однократные вложения в процессы импортозамещения. Судя по статистике АПК, даже в случае возникновения в 2014–2015 гг. такого фактора, как резкое усиление политики протекционизма («контрсанкции» для продукции АПК), это не привело к значимому сокращению объемов поддержки.

Исходя из опыта поддержки сектора АПК, можно с уверенностью утверждать, что любое другое направление импортозамещения потребует не разовых, а постоянных затрат, сопоставимых с первоначальным периодом. Будет неверным ожидать перспектив значительного снижения бюджетных расходов по этим статьям.

В контексте промышленной политики и конкретно влияния кластерных инициатив на процессы импортозамещения следует сказать, что импортозамещение не является основной целью кластерной политики – это в основном побочное следствие интеграционных процессов, хотя есть направление импортозамещения некоторых целевых видов продукции, которое регламентируется постановлением Правительства РФ от 28 января 2016 г. № 41 (далее – ПП № 41)⁷. Однако объемы заложенных в бюджете средств на программы поддержки по данному Постановлению достаточно невелики: 500 млн руб. в 2022 г., 430 млн руб. – в 2023 г., 436 млн руб. – в 2024 г.,

⁴ Атлас промышленности. Государственная информационная система промышленности (ГИСП). Режим доступа: <https://gisip.gov.ru/gisip> (дата обращения: 06.10.2025).

⁵ ЕМИСС. Объем средств государственной поддержки в рамках программ и мероприятий по развитию сельского хозяйства. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/42373> (дата обращения: 06.10.2025).

⁶ ЕМИСС. Доля отечественного производства отдельных товаров в их товарных ресурсах. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/user/login?redirectUrl=%252Findicator%252F43217%253Fid%253D43217&id=43217> (дата обращения: 06.10.2025).

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2016 г. № 41 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий участникам промышленных кластеров на возмещение части затрат при реализации совместных проектов по производству промышленной продукции кластера в целях импортозамещения». Режим доступа: <https://base.garant.ru/71314830/> (дата обращения: 06.10.2025).

Таблица

Государственная поддержка программ по развитию сельского хозяйства в 2013–2024 гг., доля отечественной продукции в потреблении отдельных товаров

Table. State support for agricultural development programs in 2013–2024, share of domestic products in the consumption of individual goods

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Объем поддержки, млрд руб.	185	170	173	173	170	174	155	150	159
Масла растительные, млн руб.	82	86	82	88	84	82	84	85	84
Мясо, млн руб.	74	80	87	89	90	94	93	95	94
Сыры, млн руб.	52	63	78	72	74	70	70	69	70
Масло животное, млн руб.	64	68	74	73	78	80	72	71	70
Молоко сухое, млн руб.	40	53	44	40	53	61	56	67	70

Примечание: данные по балансам товарных ресурсов с 2022 г. не публикуются.

Составлено авторами по материалам источника^{5,6} / Compiled by the authors on the materials of the sources^{5,6}

440 млн руб. – в 2025 г.⁸. По этим цифрам можно сделать два важных вывода:

- импортозамещение не является целевым направлением развития региональных кластеров;
- финансирование программ импортозамещения представляет собой стабильную величину, исходя из суммы факторов, высказанных выше в комментариях к таблице.

Иными словами, необходимость осуществления импортозамещения сверх естественно сформировавшихся рыночных процессов всегда требует государственного финансирования даже при кардинальном усилении протекционистских мер. В связи с этим представляется неясным сокращение Министерством промышленности и торговли РФ планового показателя финансирования по ПП №41 участников кластеров с 440 до 295 млн руб.⁹. Сокращение этой не столь значительной части расходов не будет способствовать выполнению задач импортозамещения путем совмещения их с задачами кластерного развития.

Касательно контекста импортозамещения в направлении политики промышленной кооперации и кластеризации стоит сделать отступление в отношении статистического обеспечения деятельности промышленных кластеров и технопарков. После того как анализ Счетной палаты в 2021 г. продемонстрировал непрозрачность системы оценки эффективности деятельности промышленных парков, в системе ГИСП заметно улучшилось качество предоставляемой статистической информации по паркам¹⁰. Стали своевременно обновляться данные с 2011 г. по текущий о следующем:

- количестве резидентов МСП;
- объеме промышленной продукции, в том числе отгруженной предприятиями МСП;
- числе работающих, в том числе на предприятиях МСП;
- структуре инвестиций в объекты промышленного парка (с указанием бюджетных расходов);

⁸ Справочные и информационно-аналитические материалы к совещанию «О мерах налогово-бюджетной политики по поддержке участников промышленных кластеров: совершенствование нормативно-правовой базы». Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/Ay0KAWYQIiAkfInnGK7osrttOOuNdHK.pdf> (дата обращения: 06.10.2025).

⁹ Перечень мер федеральной государственной поддержки промышленных предприятий на 2025 год. Режим доступа: https://rossosh.gosuslugi.ru/netcat_files/46/469/Federal_nye_mery_gospodderzhki_prom._predpriyatiy_na_2025_god.pdf?ysclid=mh6a20jrjup288219242 (дата обращения: 06.10.2025).

¹⁰ Отчет о результатах совместного контрольного мероприятия «Аудит эффективности реализации мер государственной поддержки создания и развития индустриальных (промышленных) парков и технопарков, включая использование предоставленных на эти цели имущественных комплексов и земельных участков» (с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации). Режим доступа: <https://clck.ru/3RV2y9> (дата обращения: 06.10.2025).

- налоговых и таможенных платежах резидентов (в том числе МСП);

- числе объектов интеллектуальной собственности, зарегистрированных резидентами парков;
- объеме затрат резидентов парков на НИОКР;
- количестве резидентов, осуществляющих инновации (в том числе МСП);
- объеме инновационной продукции резидентов парка (в том числе МСП);
- количестве зарегистрированных резидентами объектов интеллектуальной собственности.

Из этого перечня сразу становятся ясными основные задачи формирования промышленных парков:

- содействие малому и среднему бизнесу в создании и развитии производства;
- развитие деятельности в области НИОКР и совместном использовании ее результатов;
- инновационный прогресс как в области первичных показателей (инновационной активности), так и в конечных индикаторах (производство инновационной продукции).

Перечень показателей для промышленных технопарков исчерпывающе демонстрирует целевые задачи промышленной политики в области политики таких интеграционных объединений и способствует объективной оценке достигнутых целей в области инновационного развития и поддержки МСП путем создания парковой инфраструктуры.

Достаточность статистического обеспечения позволяет Ассоциации кластеров, технопарков и особых экономических зон (далее – ОЭЗ) России ежегодно обновлять суммирующую информацию по развитию технопарков в виде отчетов «Бизнес-навигатор «Технопарки России»¹¹. Так, в 2023 г. численность резидентов оценивалась в 5,065 тыс. ед., из которых 91 % являлись представителями МСП. Фактически технопарки представляют собой «мини-кластеры – фабрики» для инновационных МСП, инфраструктура которых способствует выстраиванию «с нуля» процесса «НИОКР – опытное производство – серийное производство». Это эффективный процесс с точки зрения государственных вложений: в 2023 г. налоговые отчисления резидентов технопарков составили 15,4 руб. на 1 руб. бюджетных инвестиций в инфраструктуру. Для сравнения: в 2019 г. Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России оценивала эффективность субсидирования промышленных кластеров на уровне 2,2 руб. дополнительных налогов на 1 руб. поддержки участников¹².

¹¹ Ассоциации кластеров, технопарков и ОЭЗ России. Технопарки: аналитические материалы. Режим доступа: <https://akitrf.ru/technoparks/analiticheskie-materialy/> (дата обращения: 06.10.2025).

¹² Информация о реализации положений основных документов стратегического планирования и иных документов в сфере инновационного и научно-технологического развития, содержащих направления развития инновационной инфраструктуры. Режим доступа: <https://clck.ru/3RV2zo> (дата обращения: 06.10.2025).

Сервис ГИСП предлагает следующую информацию для сквозного анализа деятельности промышленных парков:

- уровень организационного развития (для всего лишь 48 кластеров из 159);
- объем отгруженных участниками кластера товаров;
- объем использования отгруженных товаров участниками кластера;
- объем экспорта участниками кластера;
- добавленная стоимость, создаваемая участниками;
- количество высокопроизводительных рабочих мест;
- налоговые платежи участников кластера;
- инвестиции в основной капитал;
- число произведенных продуктов/технологий из отраслевых планов по импортозамещению;
- количество МСП участников кластера;
- объем затрат на НИОКР.

Статистика инновационных процессов для промышленных кластеров практически отсутствует. Такой важный, даже системообразующий показатель, как «число произведенных продуктов/технологий из отраслевых планов по импортозамещению», отражается в статистике деятельности с ненулевым значением лишь для небольшого числа кластеров, получающих субсидии в рамках ПП № 41. Роль этого показателя в процессах импортозамещения и влияния на него непрозрачна. «Количество произведенных продуктов» просто считается в единицах и при этом присутствует в статистике кластеров фрагментарно.

Два направления государственной политики — импортозамещение и кластерная политика — связаны на текущий момент достаточно слабо. Об этом свидетельствует как дефицит статистической информации в системе ГИСП по данному направлению, так и объемы финансового субсидирования со стороны бюджета. При этом можно отметить гораздо большую эффективность государственной политики в области создания промышленных интеграционных объединений в отношении субсидирования создания технопарков. Это объясняется просто: расходы на индустриальные (промышленные) парки в рамках федерального проекта «Развитие промышленной инфраструктуры и производственной кооперации» составляет более 39,6 млрд руб. на 2025 г., а для промышленных кластеров объем финансирования был сокращен с 440 до 295 млн руб.

Низкие объемы финансирования и размытость горизонта планирования кластерных программ, особенно в контексте инновационного развития и импортозамещения, ведут к низким достигнутым показателям организационного развития. Так, по данным ресурса ГИСП, в 2025 г. насчитывалось 159 кластеров, из которых 66 созданы в период 2008–2021 гг., 12 — в 2022 г., 26 — в 2023 г., 40 — в 2024 г., 15 — в 2025 г. (данные на начало октября 2025 г.). Налицо положи-

тельная тенденция увеличения ежегодного прироста количества кластеров именно с 2022 г. До 2022 г. ежегодный прирост их количества не превышал 10¹³.

Можно отметить, что формирование региональных кластеров идет в соответствии с Посланием Президента РФ от 21 февраля 2023 г. Федеральному Собранию РФ¹⁴. Тем не менее достигнутые результаты пока далеки от показателей кластерного развития в международном разрезе. По данным Г.А. Яшевой, в Германии насчитывается 314 промышленных кластеров, в Италии — 234, в Великобритании — 182, во Франции — 165, в Польше — 161, в Испании — 151 [Яшева, 2022]. Как правило, доля участников МСП в европейских кластерах выше 50 %. Обычно количество участников превышает 30. В то же время в российских кластерах предприятия МСП представлены слабо: из созданных в 2025 г. 15 кластеров лишь в трех представлены малые и средние организации (в Инновационном кластере энергетического машиностроения Самарской области, Кластере реиндустриализации новых территорий, Кластере теплоэнергетического оборудования «УРАН»).

Перенятие опыта кластерной политики идет вразрез с международной практикой и общим смыслом кластеризации — содействием повышению эффективности путем распространения эффекта масштаба на те предприятия, которые проигрывают более крупным. Это можно считать негативным моментом в кластерной политике наряду с низкими объемами ее финансирования и размытостью целевых задач как в масштабе отдельных кластеров, так и по всему их объему в целом.

Заключение / Conclusion

На текущем этапе становления политики кооперации в промышленности в регионах России можно отметить следующие тенденции и особенности.

1. Существует два основных направления текущих интеграционных процессов: промышленные кластеры и промышленные технопарки, представляющие собой разные ступени организационного развития по величине интеграционного объединения. Региональная кластерная политика характеризуется двунаправленностью развития. С точки зрения количества рабочих мест эти направления практически равны (5,734 тыс. резидентов и 327 тыс. рабочих мест в технопарках и 1,684 тыс. участников и 295 тыс. рабочих мест в промышленных кластерах на 2023 г.).

¹³ Сводная статистическая информация геоинформационной системы по кластерам. Режим доступа: https://gisp.gov.ru/gisp/stats_sum_clusters/pdf/ru/%0A (дата обращения: 06.10.2025).

¹⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 февраля 2023 г. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70565> (дата обращения: 06.10.2025).

В плане государственных расходов оба направления представляют собой противоположности: существенна разница между расходами на формирование технопарков и на кластерную политику (39,6 и 295 млн руб. соответственно на 2025 г.).

2. Если в международной практике кластеры представляют собой огромные (до нескольких тысяч участников) кооперативные образования, то в российском экономическом поле кластер — это интеграционное объединение с количеством участников от пяти и более (до 2022 г. минимальное количество было 10). Максимальное значение на 2025 г. — 65. Кластеров с числом участников более 10 всего 74, более 20 — лишь 18. Таким образом, второй особенностью региональной кластерной политики является малый масштаб существующих и создаваемых кластеров.

3. Среди промышленных кластеров всего 7 характеризуются средним уровнем организационного развития, 41 — начальным. Ни один кластер не оценивается как высокоразвитый. Это отрицательно сказывается на качестве влияния кластеризации на эффективность экономики и уровень ее технологического прогресса.

4. Промышленные технопарки характеризуются преимущественным объединением предприятий малого и среднего бизнеса с высокими показателями эффективности кооперации. Так, на 2023 г. налоговые отчисления резидентов технопарков составили 15,4 руб. на 1 руб. бюджетных вложений в инфраструктуру. Это в разы выше аналогичного показателя для кластеров (2,2 руб. дополнительных налогов на 1 руб. государственного субсидирования). Таким образом, содействие промышленной кооперации для МСП дает более существенные результаты. Низкие качественные результаты развития (п. 3) вытекают во многом из недостатков планирования числа участников вне малых и средних форм хозяйствования. Необходимо корректировать критерии формирования промышленных кластеров в сторону увеличения доли представителей малого и среднего бизнеса, хотя жесткое регламентирование таких показателей не представляется целесообразным — более рационален гибкий подход в зависимости от местных региональных и технологических условий. В любом случае масштабирование величины кластера, в том числе за счет привлечения организаций МСП, является желаемым сценарием развития региональной кластерной политики.

5. Отсутствуют этапные задачи кластерной политики страны. Неясны конечные или промежуточные цели государственных расходов в этом направлении помимо общих формулировок.

6. Существующее информационное сопровождение (ГИСП) характеризуется недостаточным качеством статистического сопровождения деятельности промышленных кластеров (но не технопарков), что затрудняет

аналитическую работу по их функционированию. Прозрачность результатов деятельности — ключевой фактор целесообразности кластерной политики и бюджетных расходов. Сюда же стоит добавить и п. 5 касательно отсутствия целевых параметров — с чем сравнивать достигнутые результаты при повышении качества статистики.

7. Отсутствие индикаторов инновационных процессов (инновационной активности, расходов, товарного потока) для промышленных кластеров. Задачи ускорения инновационного прогресса не являются какой-то четкой целью кластерной политики, хотя для промышленных технопарков этот показатель выступает одним из целевых и отмечается высокая степень положительного влияния на инновационное развитие регионов.

8. В контексте влияния на импортозамещение деятельность промышленных кластеров оценивается лишь формальным указанием количества произведенных продуктов/технологий из отраслевых планов по импортозамещению. Это затрудняет качественную оценку достигнутых результатов даже вне контекста отсутствия каких-то целевых задач по этим параметрам.

В целом можно заключить, что существующая политика двух векторов развития региональных процессов промышленной кооперации и импортозамещения имеет два промежуточных качественных измерения. Технопарки демонстрируют достаточно высокие качественные показатели кооперации предприятий МСП, инновационного прогресса, развития НИОКР и патентной работы. Показатели работы промышленных кластеров, несмотря на больший их масштаб, присутствуют в меньшем объеме, не касаются показателей инновационного и технологического развития.

Существует структурный перекос вовлечения предприятий МСП только в деятельность технопарков, тогда как в составе существующих и создаваемых кластеров малый и средний бизнес представлен незначительно. Это вступает в противоречие с самой идеей кластеризации, когда предприятия малого масштаба кооперируются с целью роста эффективности и производительности. Международному понятию кластера в таком случае в российской практике, как правило, соответствует промышленный технопарк, где действительно наблюдаются высокие показатели инновационного развития и эффективности за счет кооперации малых форм хозяйствования. Промышленный кластер обыкновенно представляет собой не организационную структуру повышения эффективности участников малого бизнеса, а окружение «якорного» предприятия с уже существующими смежниками и поставщиками. Иными словами, для промышленного технопарка «эффективность создается», а для промышленного кластера она уже существует, отсюда значительная разница в показателях результативности технопарков и кластеров.

Для технопарка ее рост явен и значителен, тогда как на эффективность существующих технологических и инновационных цепочек кластеризация может повлиять лишь весьма умеренно.

Сложно ожидать значительных эффектов от формирования новых региональных промышленных кластеров, если не усилить кооперацию малого и среднего

бизнеса, не поставить прозрачные целевые ориентиры в инновационном развитии и импортозамещении. Продолжение текущей политики формирования промышленных технопарков будет способствовать дальнейшему росту их сравнительной эффективности в сравнении с формированием промышленных кластеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анимица Е.Г., Анимица П.Е., Глузов А.А. Импортозамещение в промышленном производстве региона: концептуально-теоретические и прикладные аспекты. Экономика региона. 2015;3(43):160–172. <https://doi.org/10.17059/2015-3-14>

Апокин А.Ю., Гнидченко А.А., Сабельникова Е.М. Потенциал импортозамещения и выгоды от экономической интеграции: дезагрегированные оценки. Экономическая политика. 2017;2(12):44–71. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-2-02>

Вагин С.Г. Стратегическое развитие инновационного потенциала предприятий промышленного комплекса. Управление. 2024;3(12):74–82. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-3-74-82>

Еловая Е.М., Чайковская Ю.В. Особенности развития кластерной политики в странах-участниках ЕАЭС. Oikonomos: Journal of Social Market Economy. 2020;1(16):76–85.

Косарев А.С. Составляющие потенциала технологической независимости предприятий фармацевтической промышленности. Социально-экономическое управление: теория и практика. 2025;3(21):21–29. <https://doi.org/10.22213/2618-9763-2025-3-21-29>

Косов М.Е., Голубцова Е.В., Новикова Е.С. Государственное налоговое регулирование в сельском хозяйстве в условиях политики импортозамещения. Финансы: теория и практика. 2023;2(27):119–130. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-2-119-130>

Кривенко Н.В., Епанешникова Д.С. Импортозамещение как инструмент стабилизации социально-экономического развития регионов. Экономика региона. 2020;3(16):765–778. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-7>

Кучумов А.В., Еремичева П.Ю. Особенности формирования индустриальной кластерной политики в развивающихся странах Азии. π-Economy. 2025;2(18):100–120. <https://doi.org/10.18721/JE.18206>

Матвеева Л.Г., Чернова О.А. Российское импортозамещение в условиях «новой нормальности». Terra Economicus. 2016;2(14):127–138. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2016-14-2-127-138>

Мелехин В.Д., Божикова Т.П. Формирование мероприятий по совершенствованию программы импортозамещения. Экономика и управление: проблемы, решения. 2023;1(10):116–127. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.10.01.012>

Симачев Ю., Кузык М., Зудин Н. Импортозависимость и импортозамещение в российской обрабатывающей промышленности: взгляд бизнеса. Форсайт. 2016;4(10):25–45. <https://doi.org/10.17323/1995-459X.2016.4.25.45>

Фадеева Т.В. Особенности кластерной политики в России и в зарубежных странах. Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2021;2(61):103–112.

Харланов А.С., Карпенкова О.П. Развитие мировой экономики в кластерной политике зарубежных стран. Экономика и предпринимательство. 2020;6(119):26–30. <https://doi.org/10.34925/EIP.2020.119.6.002>

REFERENCES

Animitsa E.G., Animitsa P.E., Glumov A.A. Import substitution in the industrial production of the region: conceptual, theoretical and applied aspects. The economy of the region. 2015;3(43):160–172. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/2015-3-14>

Apokin A.Yu., Gnidchenko A.A., Sabelnikova E.M. Import substitution potential and benefits from economic integration: disaggregated estimates. Economic policy. 2017;2(12):44–71. (In Russian). <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-2-02>

Aspromourgos T. The life of William Petty in relation to his economics. History of Political Economy. 1988;20:337–356.

Fadeeva T.V. Features of cluster policy in Russia and abroad. Bulletin of the Pacific State University. 2021;2(61):103–112. (In Russian).

Kharlanov A.S., Karpenkova O.P. The development of the world economy in the cluster policy of foreign countries. Economics and entrepreneurship. 2020;6(119):26–30. (In Russian). <https://doi.org/10.34925/EIP.2020.119.6.002>

Kosarev A.S. Components of the potential of technological independence of pharmaceutical industry enterprises. Socio-economic management: theory and practice. 2025;3(21):21–29. (In Russian). <https://doi.org/10.22213/2618-9763-2025-3-21-29>

Kosov M.E., Golubtsova E.V., Novikova E.S. State tax regulation in agriculture in the context of import substitution policy. Finance: theory and practice. 2023;2(27):119–130. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-2-119-130>

Krivenko N.V., Epaneshnikova D.S. Import substitution as a tool for stabilizing socio-economic development of regions. The economy of the region. 2020;3(16):765–778. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-7>

Kuchumov A.V., Eremicheva P.Y. Features of the formation of industrial cluster policy in developing Asian countries. π-Economy. 2025;2(18):100–120. (In Russian). <https://doi.org/10.18721/JE.18206>

Matveeva L.G., Chernova O.A. Russian import substitution in the context of the “new normality”. Terra Economicus. 2016;2(14):127–138. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2016-14-2-127-138>

Melekhin V.D., Bojikova T.P. Formation of measures to improve the import substitution program. Economics and management: problems, solutions. 2023;1(10):116–127. (In Russian). <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.10.01.012>

Simachev Yu., Kuzyk M., Zudin N. Import dependence and import substitution in the Russian manufacturing industry: a business perspective. Foresight. 2016;4(10):25–45. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1995-459X.2016.4.25.45>

Tsypin A.P., Ovsyannikov V.A. Comparative characteristics of the development of industrial potential in Russia and the USA for the period 1970–2010. Bulletin of Orenburg State University. 2014;14(175):57–60. (In Russian).

Vagin S.G. Strategic development of the innovative potential of industrial enterprises. Upravlenie / Management (Russia).

Цыпин А.П., Овсянников В.А. Сравнительная характеристика развития промышленного потенциала России и США за период 1970–2010 гг. Вестник Оренбургского государственного университета. 2014;14(175):57–60.

Яшева Г.А., Николаева Ю.Н., Кондратьева В.Д. Кластерная политика в странах Европейского союза и Республике Беларусь: компаративный анализ. Вестник Витебского государственного технологического университета. 2022;2(43):203–217. <https://doi.org/10.24412/2079-7958-2022-2-203-217>

Aspromourgos T. The life of William Petty in relation to his economics. *History of Political Economy*. 1988;20:337–356.

Zhu T. Rethinking Import-substituting Industrialization. *Development Strategies and Institutions in Taiwan and China*. UNU-WIDER Research Paper. Helsinki: UNU-WIDER; 2006.

2024;3(12):74–82. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-3-74-82>

Yasheva G.A., Nikolaeva Yu.N., Kondratieva V.D. Cluster policy in the European Union and the Republic of Belarus: a comparative analysis. *Bulletin of the Vitebsk State Technological University*. 2022;2(43):203–217. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2079-7958-2022-2-203-217>

Yelovaya E.M., Tchaikovsky Yu.V. Features of cluster policy development in the EAEU member states. *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*. 2020;1(16):76–85. (In Russian).

Zhu T. Rethinking Import-substituting Industrialization. *Development Strategies and Institutions in Taiwan and China*. UNU-WIDER Research Paper. Helsinki: UNU-WIDER; 2006.